

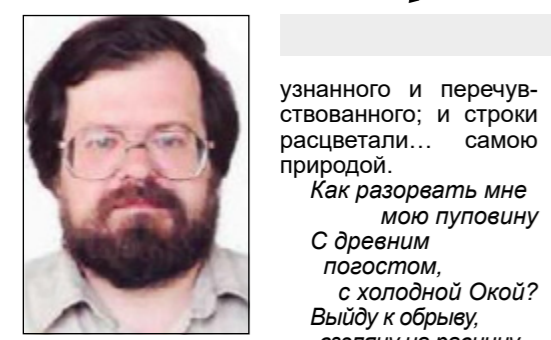
Мера русского пейзажа, постигнутая поэтом, охватывается одновременно букетом ощущений: грусть наслаивается на счастье, а одиночество, необходимое для поэтического делания, выдвигается вариантом дополнительного постижения бытия:

Гуляет ветер в камыше,
пылит разбитая дорога,
шумит река, и на душе
так хорошо и одиноко.

Станислав Куняев всегда необыкновенно – в рост своеобразия дара – чувствовал природу, тихие пейзажи Руси, овеянные такой несуетливой красотой, что городские дебри будто обращаются в фантики фантомов, уходя дымом; и состояния, связанные с растроганностью в природе, проникновением в сердце её, передавались им великолепно точно: строки будто не писались, но были продиктованы лиственной силой, движением ручья, тайным течением реки:

Что говорить! Конечно, жаль
живую грусть осенней воли,
и остывающую даль,
и отцветающее поле.

Александр Балтин «Нет, не то чтобы я образцовый...»

узнанного и перечувствованного; и строки расцветали... самою природой.

Вечное счастье и вечный покой!
Словно смертная связь: такого натяжения любви, какое, приподнимая в небеса, позволяет видеть суть души русской, нежность её, но и стойкость, тончайшие пульсации, и сплетённые сложно ассоциации, связанные с космосом истории. Каковой близок Куняеву, разумеется – под русским углом, в определённом ракурсе:

Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну,
душу вывернуть, память отринуть,
и любовь позабыть, и войну.

Нет и не нужно шумных вавов патриотизма, шарового шапкозакидательства: мол, мы – самые-самые, да и вообще – Россия – родина слонов; но именно тихое – сильно, и всё, так ёмко и компактно вложенное поэтом в строки, оживает такую подлинностью любви, какой не страшна смерть.

Есть в словесном пейзаже Куняева нечто от холстов Нестерова с превалирующими зелёными и синими тонами, с серебристой излучиной реки, и с тем ощущением русской тайны, которую невозможно раскрыть умом, но лишь постичь чувством.

Социальность всегда сильно – своеобразной общей субстанцией – пропитывала поэзию Куняева; она различна, всякие растворы питали её, но вот эмоциональность, всполохами возгораясь, – её кровная отличительная черта. Взять хотя бы стихотворение, связанное с «детьми Арбата»:

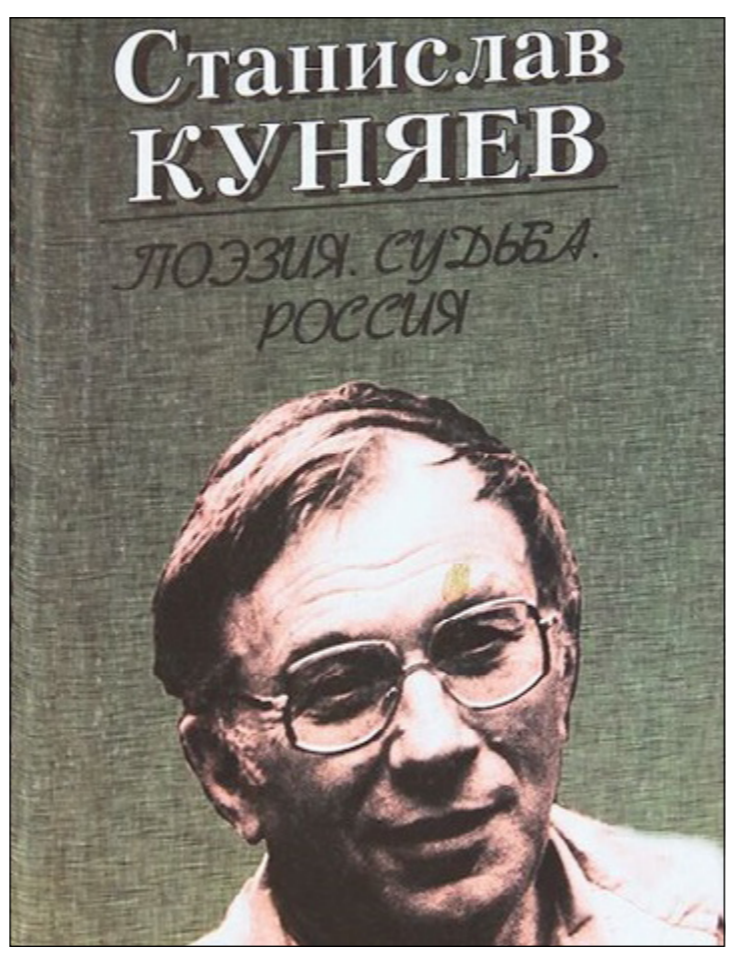
Где вы, несчастные дети Арбата?
Кто виноват? Или что виновато?..
Жили на дачах и в особняках –
Только обжили дворянскую мебель.

История страны развернется лентами, испещрёнными сложными письменами; стихотворение развивается столь динамично, что смена вех короткая:

Где вы, несчастные дети Арбата?
Кто виноват? Или что виновато?..
Жили на дачах и в особняках –
Только обжили дворянскую мебель.

История страны развернется лентами, испещрёнными сложными письменами; стихотворение развивается столь динамично, что смена вех короткая:

Сын за отца
не отвечает, и всё же
Тот, кто готовит
кровавое ложе,
Некогда должен
запачкаться сам...
Ежели кто на крови
поскользнулся
Или на лесоповале
очнулся,
Пусть принесёт
благодарность отцам.
Наша возникшая
разом злота,
Грозного времени
нервная свита,
Как вам в двадцатые
годы спалось?
Вы танцевали танго
и чарльстоны,
Чтоб не слышать
беломорские стоны
Там, где трещала
крестьянская кость.

Крест крестьянства тяжёл: помимо всего прочего, такую массу людскую стёр, придавив в пыль, что треск кости в строке будто разности обвинительным гулом.

К 90-летию Станислава Куняева

Живите, как вольные птицы! – Прекрасен полёт облаков и звёздных огней вереницы... Как сложно преобразовать душу свою подобным образом!

Заставить жить на волне любви к врагам... Звук инструментальной музыки: два «п» (прекрасен полёт...) словно подчёркивают скрытою силою значение евангельского речения – в наши дни, когда змеиный прагматизм захватил эгоистическую реальность, разрушая самые основы устоев особенно важного; хотя стихотворение написано в 1975 году...

Впрочем, тогда упоминания подобных философских максим тоже не особенно приветствовались.

Вот, кстати, и поэтическое опровержение эгоизма, плотно и накрепко организованное в стихотворение: Все меньше о себе – всё чаще обо всём – о чёрных топотах, о времени, о снеге, о том, как три звезды сверкают за окном, как, тяжело дымясь, охлаждаются реки.

И строки здесь дышат полною, мощно, слитно. Старая калужская земля – малое отечество Станислава Куняева; разумеется, строки о ней пронизаны особыми лучами и согреты той мерой таинственной теплоты, которая нежит сердце всю жизнь:

На стыке снега и дождя
я, вновь беспечный, как дитя,
приехал к матери в Калугу,
затем, чтоб в городе родном
забыться отроческим сном,
проснуться и услышать выюгу.

Тонко-акварельная прорисовка картины заворачивает: и таинством звука, и богатством смысла, и сопоставляя свой опыт с опытом поэта, задумываешься снова и снова над оттенками отеческих сводов, баюкающих каждого, как дитя, дающих сил, сопровождающих до могилы...

Куняев жизнеутверждающе бесстрашен: Пишу не чью-нибудь судьбу – свою от точки и до точки, пускаю я буду в каждой строчке подвластен вашему суду.

Именно так: только своему судьбой проходит Станислав Куняев по обширным полям русской литературы; именно так – стойко и веско – говорит он, не боясь ничего суда, если надо – рассыпая публицистический перец, если необходимо – используя самые нежные лирические токи; именно так он и вступает в роскошную сень своего очень серьёзного юбилея.

Станислав Куняев
ПОЭЗИЯ. СУДЬБА.
РОССИЯ

«А юность всё-таки была» Кирилл КОЗЛОВ

К 70-летию поэта Андрея Шацкова

1 декабря 2022 года известному российскому поэту Андрею Шацко-ву исполняется 70 лет. Он не любит говорить о возрасте, хотя к нему полностью применима расхожая мудрость о том, что «человек, живущий творчеством, обычно выглядит значительно моложе своих лет...».

Что для каждого поэта означает новая юбилейная дата? Зачастую она предполагает появление новых книг, относящихся к широкомасштабной категории «избранное». Андрей Шацков не стал выпускать та-кую книгу. Он издает отдельные поэтические циклы небольшими сборниками, которые, по его замыслу, могут быть полезны для достижения конкретных целей.

И все-таки ответа требует уже обозначенный вопрос: неужели у та-кого крупного поэта

Олег КУИМОВ УМЕВШИЙ ЛЕТАТЬ
Религиозно-философская концепция творчества Леонида Бородина

«Литература в России – это вторая религия. «Пушкин – наше всё». Не Менделеев, не Циолковский, не Суворов, не Ленин, а именно Пушкин!» – пишет Станислав Куняев.

Здесь нет преувеличений красного слова. Более того, в советское время литература даже подменила религию, захватив умы и настроения общества. И всё же нет-нет да и проскакивали внезапными искрами отзвуки той поэмы, что пробуждала в душе трепетное устремление к чему-то высшему, нежели земные нужды, – может быть, к Богу, а может, к чему-то иному, неосознанному, но в любом случае – за пределы будничного. Подобные мотивы звучали в прозе Василия Белова, Фёдора Абрамова, Юрия Казакова. Но, пожалуй, лишь для одного писателя советской школы лейтмотивом всего творчества стала проблема Богоискательства. Речь о Леониде Ивановиче Бородине, чьи духовные устремления выстраданы одиннадцатью с лишним годами политического заключения уже в спокойные брежневские времена – за непоколебимость убеждений, основанных на вере в преобразование общества через его христианизацию. И как Федор Михайлович Достоевский первое время своего писательства находился в тени Льва Толстого, так и Бородин – в тени Валентина Распутина.

И это удивительно, ведь, несмотря на то, что ведущая тема творчества Валентина Григорьевича – духовная связь с родом и личный нравственный долг, – безусловно, важна, однако более значимой для человека видится тема духовного поиска смысла его существования, отличающая как раз произведения Леонида Ивановича. Помимо Бородина, ни у кого более из писателей после Достоевского в текстуальном полноте не обнаруживается столько закодированных открытий трансцендентного характера.

Рассмотрение последних в его творчестве достойно серьёзной литературоведческой работы, поэтому, учитывая критическую «заезженность» хрестоматийной «Третьей правды», хотелось бы рассмотреть их на примере двух произведений, обобщённых, по большому счёту, должным вниманием, – повести «Гологор» и рассказа «Посещение».

Что же нового открыл нам Леонид Иванович после Федора Михайловича? Начнём с того, что идею «если Бога нет, то всё дозволено» Бородин преобразовал в видимую художественную реальность. Герои повести «Гологор», сами того не осознавая, поступают соответственно озвученной идее. В результате на наших глазах происходит утрата человечности. Таким образом, как когда-то Достоевский предупреждал императора Александра III о грозящем обрушиться на Россию терроре, Бородин

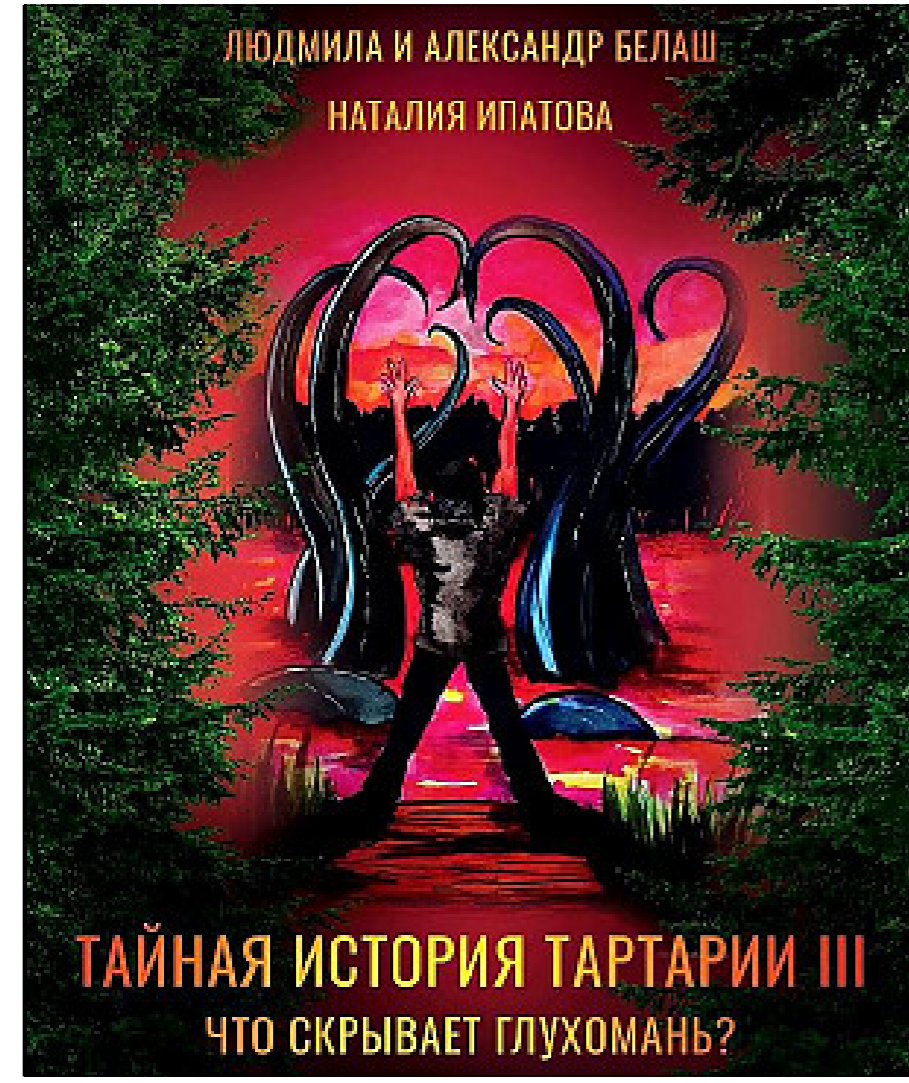
предупреждает нас об опасности обезбоживания общества.

На первый взгляд повесть может показаться скорее беллетрической, нежели серьёзной. Очень подробно Бородин описывает жизнь в посёлке, жизненный уклад таежников. Однако это не случайно. Таким образом он раскрывает нам мир порядка – мир с законом, упорядоченной системой взаимоотношений. Это образ добра. Затем автор выводит читателя из этого мира в некое антагонистическое зазеркалье и захлопывает за ним дверь, чтобы явить очию мир, где закон силы – основа основ.

Человек любопытен по своей натуре, и искони жаждал познать, что есть этот непостижимо таинственный и страшный ад. Представления о нём могут быть различными, но существовать преисподняя может только при условии богооставленности. Вот такую богооставленность и моделирует Леонид Иванович. По своей сути «Гологор» – прообраз ада, когда каждый в отсутствие гармоничного всеобщего закона устанавливает свой. На авансцену выходит его величество сила, и в итоге тьма поглощает свет, а зло попирает добро.

Что подразумевал Достоевский в своей философской фразе о том, что красота спасёт мир, точно знал лишь он сам. Тем не менее, мы вправе утверждать однозначно, что физическая красота спасает только тогда, когда за ней стоит красота духовная. Она вызывает добрые чувства, а с ними и желание служить ей, подниматься до неё, очищаясь. Зло её не выносит, потому что на фоне света отчётливее проявляется тьма. Вот почему оно стремится подчинить красоту, надругаться над ней. Когда-то Достоевский писал: «Пожар Парижа есть чудовищность. Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищность это бешенство, а, напротив, красота». Итак, эстетическая идея в новом человеке помутилась. Нравственное основание общества... путается в желаниях и идеалах. Вот они, ключевые слова – желания и идеалы. А если последних нет, то первые низводят человека в духовный ад, как это произошло с надругавшимся над женой собственным другом Стёпой, а следом и с простоватым Маней. И только гегелианец Филя, поначалу кажущийся циничным и способным на подлость, удерживается от падения, потому что увеличение философией развило его мышление и одарило спасительными принципами.

В «Гологоре» и «Возвращении» Леонида Бородина прежде всего интересует тема разрыва человека с Богом. Сама по себе гордыня без дел мертва и в материальном мере естественным образом преобразуется в смертоносную силу. Можно много представлять себе картины разрушения и смерти, но ничто более не потрясает, чем простое видение реальной трагедии. Бородин преподносит нам такую

Дорога рабства и тропа свободы

О третьей части «Тайной истории Тартарии»

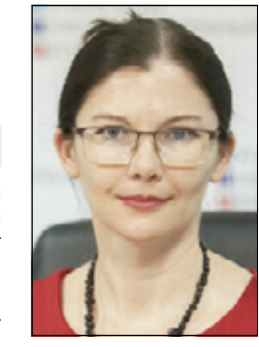
нистской сатирой, а фэнтезийный приключенческий жанр сменяется детективным сюжетом. В проекте «Тайная история Тартарии» читатель едва успевает следить за сменой эпох и народов, времен и культур, идей и жанров. Несмотря на обширный предмет и сохраняющуюся команду основных авторов, у каждой книги проекта есть своя специфика. Есть она и у третьей книги о Глухомани.

Замысел книги раскрывается в предисловии. Современные писатели решили обратить внимание на русскую Глухомань и посмотреть, что же там происходит, понять, почему русская глубинка раз за разом и век за веком становится ареной и источником всемирных потрясений, а также находят способы в этих потрясениях выжить. Что далеко ходить, в текущем 2022 году всё самое важное и интересное происходит в Донбассе, в его городах, деревнях и посёлках, которые до 2014 года были самой настоящей Глухоманью, а оказались рубежом, фронтиром, боевым пограничьем, на котором разбивается чужая сила и совершается ежедневный подвиг. Это пример из реальной жизни, а фэнтезийные вариации дают авторы в своих произведениях. Посмотрим же, что скрывает Глухомань.

Третий том состоит из двенадцати произведений разного объёма, от небольшой очерка до полноценной повести. Временные и культурные границы, выбранные авторами, также разнообразны. Наталия Ипатова пишет мистический детектив «Сорни-Най» в стиле исследований о перевале Дятлова, только действие происходит на Урале в царствование Анны Иоанновны,

и в борьбу с потусторонними силами вступает русская военная команда и вогульский охотник. На Урале также разворачивается действие увлекательной повести Людмилы и Александра Белашей «Земные врата», где описывается действительно состоявшаяся в царствование Николая Павловича ревизия уральских заводов, оба участника которой стали министрами и до конца жизни интересовались археологией. Что они искали в земле и под землей – на этот вопрос и отвечает повесть.

Рассказ Михаила Афонина «Новая жизнь» – хорошая добротная научная фантастика о секретных исследованиях подземных пещер и о попытках советских и российских спецслужб откопать тайны вымершего северного народа. Научно-фантастическим является также рассказ Татьяны Андрущенко «Недостающий элемент», посвященный созданию клона человека международной командой исследователей в недалеком сай-фай будущем.

Спецификой третьей книги «Что скрывает Глухомань?», её основной идеей является концепция жертвоприношения. Договор с потусторонними силами и человеческая жертва во исполнение этого договора присутствует почти в каждом произведении сборника. Жертва может быть и бескровной, как в «Чудовище с озера Бросно» и «Земных вратах», и полноценной кровавой расправой, как в «Малом Китеже», «Песне василиска», рассказе «Черные косы, черные брови», и даже массовым убийством, как в «Сорни-Най». Рассказ «Шестеро убитых» прямо посвящен своеобразному жертвоприношению. В научно-фантастическом рассказе «Недостающий элемент» отсутствует мистика, однако решение научной проблемы, найденное героями, представляет собой самоубийство, и только волею автора, построившего мир, где такой странный метод работает, история заканчивается благополучно.

Таким образом, на вопрос, что скрывает Глухомань, авторы книги отвечают однозначно и довольно мрачно – Глухомань скрывает языческую старину, оживает время, когда люди были в рабстве у демонов и покупали необходимое им единственно ценной монетой – человеческой жизнью. Жертвы приносят жрецы или сами просящие, но ситуация от этого не меняется: языческий мир – это мир магии и рабства человека у потусторонних существ, постоянно требующих крови.